

УДК 82:801

МИФОПОЭТИКА СНОВИДЕНИЙ В СКАЗКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЦАРЕВИЧ»

© 2011 Т.А. Полякова

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Поступила в редакцию 30 декабря 2010 года

Аннотация: Г.Д. Гребенщиков — крупный русский писатель-эмигрант XX столетия. В «Царевиче» художник обращен к судьбе русского императора — Николая II, его семьи. В мифопоэтическом пространстве гребенщиковской сказки представлено не столько историческое, сколько сказочно-мифологическое описание «русской трагедии». Цель нашего исследования — анализ мифопоэтического кода писателя, в котором особая роль принадлежит сновидческому пространству. Актуализируя символы сновидений, писатель устремлен к заветному преображению мира, в котором России принадлежит великое будущее.

Ключевые слова: эпическая сказка, мифопоэтика, сновидения, хронотон, философия, символ.

Abstract: G.D. Grebenshchikov is an outstanding writer-emigrant of the XXth century. In “Tsarevich” the artist treats the destiny of the Russian emperor Nikolai II and his family. In mythopoetic space of Grebenshchikov’s fairy tale not so much historical but fairytale and mythological description of the “Russian tragedy” is given. The aim of our research is the analysis of mythopoetical code of the writer, where a special role is given to dream space. Using the symbols of dreams, the writer is concentrated on the cherished transformation of the world in which great future belongs to Russia.

Key words: epic fairy tale, mythopoetics, dreams, chronotop, philosophy, symbol.

Среди произведений русского писателя-эмигранта Георгия Дмитриевича Гребенщикова особое место принадлежит эпической сказке «Царевич»¹ (жанр определен самим автором). Это произведение до сих пор не известно нашим читателям. Анализ опубликованных работ Гребенщикова, в том числе архивных материалов, подтверждает, что текст сказки отсутствует даже в электронном каталоге произведений Г.Д. Гребенщикова (См.: <http://grebenshchikov.ru>).

Автор посвятил свою сказку-поэму светлой памяти царевича Алексея Николаевича. Обращение Георгия Дмитриевича к страшным событиям 1918 года не случайно. Писатель считал себя человеком далёким от политики, но судьба расстрелянной царской семьи для него была кульминацией преступлений революционного периода, «окаянных дней» России.

Как и во всяком классическом произведении, в «Царевиче» воплощена глубочайшая философия

жизни и философия истории — в этом смысле гребенщиковская сказка представляет особый интерес. Архив писателя подтверждает сложную и кропотливую работу Георгия Дмитриевича с историческими документами того времени.

В частном архиве Г.Д. Гребенщикова имеется немало документов, которые свидетельствуют об особом интересе писателя к судьбе убитого царя и его семьи. В некоторых из них имеются данные, в которых опровергаются слухи о расстреле. Так, например, в копии документа, подписанного «И. д. Вице-Директором I Департамента Министерства Юстиции Петуховым» [1, 12], утверждается, что «...версия (об отъезде царской семьи из Екатеринбурга в Пермь или Верхотурье. — Т.П.) не нашла себе подтверждения в объективных данных следствия, и никто из свидетелей не удостоверял, чтобы лично видеть отъезжавшую царскую семью» [1, 12].

В архиве обнаружено весьма интересное свидетельство И.И. Сикорского², известного

©Полякова Т.А., 2011

авиаконструктора, о книге «Исповедь бывшего Царя»³ — книге анонимной, вызвавшей полеми-ческий «шквал» в среде русской эмиграции. Сам Сикорский в письме к Гребенщикову от 26 ноября 1953 года утверждал: государь «знал, что он был в опасности, но как верный воин и часовой остался до конца. Несомненно, что он мог спасти жизнь свою и семьи, поставивши условием отречения свободный и обеспеченный выезд за границу. И после отречения в течение первых 2-3 месяцев революции это можно было сделать легко и без-опасно. Можно было перевезти Государя с семьей в Швецию на „Илье Муромце“. Государю был сделан ряд других предложений выехать тайно за границу. Государь отказался от этих предложе-ний, считая, что это будет несогласно с его до-стоинством... Он остался верен и союзникам, и России. Его предали и те, и другие» [2, 13-15].

Все эти сомнения, мифы и легенды вокруг судьбы русского императора, его жены и детей, легли в основу сказочного дискурса Гребенщикова, где в мифопоэтическом пространстве представлено не столько историческое, сколько сказочно-мифологическое сказание о судьбе царевича Алексея.

Мир реальных событий соотносится с миром сновидений, пограничных состояний, особого прихотливого синтеза дневного и ночного со-знания. Сновидческий хронотоп в этом произ-ведении актуализирует особые архетипические символы, обращённые к судьбе героя, к траги-ческим жизненным поворотам и переходам из одного пространства в другое. Сны в сказке, об-ладая текстопорождающей функцией, являются весьма важным элементом сюжетостроения, подсказывают, где найти решение, как развязать тот или иной трагический узел судьбы.

В «Царевиче» обнаруживается особая ти-пология сновидений: сны-предчувствия, сны-проспекции, сны-наваждения. К первым двум ти-пам относятся два сновидения Царевны, живущей в волшебном замке, в срединном пространстве между небом и землёй. Этот сказочный образ был, очевидно, необходим писателю для реализации идеи чудесного спасения своего героя. Царевна принимает активное участие в судьбе несчастного Царевича Алексея.

Сюжетные повороты находят воплощение в сновидческих картинах Царевны, которые можно определить как «вэщие сны» или сны-предчувствия, в которых косвенно, но не менее ярко разъясняются последствия «мирского пре-ступления». Так, в конце первой главы — «Вол-шебный замо́к» — автор объясняет читателю взволнованность и тревогу Царевны увиденным ею ночным кошмаром. Примечательно, что саму сновидческую картину писатель не воспроизво-

дит. Почему «поникъ лучистый взглядь Царевны» [3, 9] и о чём был «вэщій сонъ» героини — мы уз-наём из её диалога с седым Волшебником во вто-рой главе «Тронный зал». Мирный сон Царевны старик осмелился побеспокоить внушенным ей полуночным кошмаром, когда «увидель зло, со-дэянное» имъ и понял, что «возродить добро ужъ не имэеть силъ» [3, 11]. В тяжелом сне открывает он Царевне всю правду «последняго мирскаго преступления»:

Убиты всэ: царица, всэ царевны...

И, кажется, царевичъ-государь... [3, 14]

Волшебник признаётся, что не оправдал доверие Царевны: «Ты вэрила, что я мудрець и геній, / Что я апостоль правды и добра...» [3, 11]. Раскаиваясь в том, что стал губителем «всэхъ свэтыхъ чловэческихъ мечтаній» [3, 11], он казнит себя, вырывая собственной рукою сердце за то, что стал «творцомъ и разрушителемъ бытія» (курсив наш. — Т.П.) [3, 11]. Диалектика образа Волшебника глубоко философична. Именно он, по мнению Гребенщикова, являет собой знаковый образ-носитель стихийной слитности, таин-ственного синтеза добра и зла. Амбивалентность этого персонажа подчёркивается его сравнением с пауком. Паук в символатологии обозначает «чере-дование сил созидания и разрушения в космосе с преобладанием то одной, то другой, подобно концентрическим кругам в паутине» [4, 508].

Вместе с тем паук — древний символ, вы-ступающий в мифологии «защитником людей, чудесным спасителем, охранителем очага» [5, 64]. По преданию, паук спас младенца Иисуса Христа от жестокости Ирода. Очень часто семантика этого архетипа ассоциируется с жестокостью, алчностью, коварством:

Нэтъ! Я паукъ, я паразитъ подземный,

Я вэчный лиходэй, тиранъ планеты,

Безсмэнный и всемирный гробовщикъ [3, 11].

Не случайно христиане видят тенету паука как паутину Сатаны (ср.: «Такъ Истинэ я послу-жилъ неправдой, / Такъ зломъ хотэль я сотворить благое...» [3, 11]).

Волшебник не отрицает своей вины в том, «что миръ пришель на край своей могилы» [3, 13], ибо он — маг и чародей — уподобился пауку-разрушителю:

Вэдъ это я, кто днемъ ткеть пряжу жизни,

А ночью темной рветъ ее опять... [3, 11]

Магическая сила Волшебника-паука напоми-нает тёмную колдовскую силу Мойр в греческой мифологии (Парки — в римской), которые, не имея «отчётливого антропоморфного облика» [6, II, 169], держали в своих руках человеческие судьбы. В связи с этим символична портретная характеристика Волшебника, который «темной ночью... сливается съ тьмою» [3, 13], а «въ яркій день чернэе призракъ тэни» [3, 13].

Природа тени тоже архетипическая. Древние отождествляют тень человека с его духом. Тень является одной из метафор тёмной стороны психики человека. Согласно словарю Даля, тэнь — «душа умершаго, человекъ безплотный, въ повѣрьяхъ, разказахъ, видѣнїяхъ или явленїяхъ, привидѣнье» [7, IV, 449].

Находясь между жизнью и смертью, Волшебник встревожен содеянным и терзается угрызениями совести, что «...угашал свѣтъ, не возжигая, / И воздавалъ не тѣмъ, кто заслужилъ» [3, 11].

Теперь, когда земная твердь «вся въ ткани паутинъ», «все въ крѣпкой власти тьмы и злобы вѣчной...» [3, 10], всю скорбь мира Волшебник вручает Царевне. Только она, возможно, «своимъ полетомъ ввысь небесной тайны» [3, 13] спасёт Царевича «отъ участи земной», очистит его судьбу от фатальной тени.

Нередко граница между сном и явью размывается, события сна продолжаются в жизни героя. В гребенщиковском художественном дискурсе возникает сон-проспекция. К такому типу принадлежит второй сон Царевны, который писатель воспроизводит во всех сновидческих деталях-подробностях. Это сон странствий Царевны в пространстве грѣз и мечтаний. Чудесные метаморфозы, происходящие с ней, — логический переход к земному миру, который необходим автору для дальнейшего развёртывания трагического сюжета. Она спускается вниз, в земную юдоль, превращаясь то в простую русскую крестьянку, то в одинокую поморку, бредущую по русским далям.

Земное греховное пространство здесь не только активно входит в повествование, но и определяет во многом внутренний динамизм текстопорождающих мотивов. Гребенщиковский хронотоп, как правило, имеет мощную архетипическую основу. В силовое поле пространства сна-проспекции втягиваются вещи, люди, события, оно подчиняет себе символическую структуру, и всё это вместе рождает образ Руси, объятай пламенным кольцом смерти.

В пространственной модели отчётливо проявляются черты русской православной земли — «сѣдая бѣдная часовня», стоящая где-то в лесу и светящаяся огоньками, «сѣденькій монашекъ», свершающий литию⁴.

Въ часовнѣ пусто... Только одиноко
Печальная боярыня стоитъ,
Высокая и стройная, вся въ черномъ,
Въ рукахъ просвирка, кружевной платочекъ,
Скомканный и влажный отъ обильныхъ
слезъ... [3, 16]

В этой боярыне Царевна-крестьянка узнаёт царицу — Государыню российскую, которая молится в одиночестве, перенося все страдания одна. Царица отдаёт крестьянке часть просвирки со словами:

Теперь я такъ вамъ благодарна, рада...

Теперь исполнится желаніе мое... [3, 17]

Не трудно догадаться, что принятая крестьянкой просвирка — хлебец из пшеничной муки особой выпечки, употребляемый в христианских обрядах, в том числе на Проскомидии для поминовения, — становится не только символом скорби, но и залогом исполнения желания: найти и окружить заботой юного Царевича в том мире, в мире инобытия.

После этого сна просыпается Царевна «со слезами на глазахъ». В странном состоянии полусна-полуяви, она покидает свой замок и продолжает земное странствие, идя туда, не зная куда. Гребенщиков подчеркивает зыбкость между сновидением и реальностью.

Удивительную инициацию в сказке Георгия Дмитриевича проходит Царевич. Его судьба связывает небо и землю, прошлое, настоящее и будущее, время и вечность. В гребенщиковском дискурсе Царевич принадлежит вечности, как и сама идея русской монархии, которая возродится через кровь и муки. Смысл гибели и возрождения царской власти, в представлении писателя, обнаруживается в христианстве: царь-отец отправляет Царевича к народу с приказом:

... собрать подъ знамя свѣта

Всѣхъ воиновъ, когда либо лобзавшихъ

Крестъ и евангеліе Господа Христа... [3, 29]

...

Христовыхъ воиновъ на битву призывать,

Отъ змѣя лютаго святую Русь спасти... [3, 31]

Так модифицирован мотив трудной задачи — один из самых распространённых в сказках. Его пребывание в лесу продлится до тех пор, пока он не исполнит этого поручения.

И уже не важно «Царевна-ли начаровала / Или крестьянка вымолила у Христа, / Но чудо светлое надъ ней свершилось — / Мечту свою — Царевича она нашла» [3, 27].

Актуализируя символы сновидений, автор предсказывает будущее России, которая для него — страна воплощённых чаяний и надежд, страна Божественного Света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщиков Г.Д. К убийству бывшего Императора Николая II и его семьи [Машинопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Машинопись (12 л.).

2. Гребенщиков Г.Д. Письмо И. Сикорского Г.Д. Гребенщикову от 26 ноября 1953 года [Рукопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Рукопись (25 л.).

3. Гребенщиков Г.Д. Царевич [Машинопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Машинопись (84 л.). Цитаты приводятся по этому изданию согласно орфографии и пунктуации рукописи.

4. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — 723, [5] с.

5. Баешко Л.С. Большая энциклопедия символов / Л.С. Баешко, А.Н. Гордиенко; под ред. О.В. Перзашкевича. — М. : ЭКСМО, 2009. — 304 с.

6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М. : Советская Энциклопедия, 1982. Цитаты в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц арабскими.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М. : Рус. яз., 1998. Цитаты в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц арабскими.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свою сказку Г.Д. Гребенщиков предваряет вводной частью «Вместо предисловия», указывая дату — март-май 1933 г. Южная Калифорния.

В электронном каталоге трудов писателя (<http://grebensh.ru>) есть только упоминание об этом произведении, но сам текст сказки отсутствует. Однако нам повезло разыскать рукопись «Царевича» в частном архиве. В электронном каталоге работ Г.Д. Гребенщикова есть указание на то, что это произведение представляет собой вариант эпической сказки «Златоглав», которая была опубликована в 1939 году.

2. Сикорский Игорь Иванович (1889–1972), авиаконструктор и промышленник. Родился в России, где с 1908 года строил самолёты. В 1919 году эмигрировал в США (в 1923 году основал фирму), где под его руководством создавались пассажирские и военные самолёты и вертолёты. (См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Сов. энциклопедия, 1985. — С. 1200.)

3. Орфография соответствует рукописи.

4. Согласно словарю В.И. Даля, «лѣтѣя — молитвенное священнодѣйствіе, совершаемое внѣ храма или въ притворѣ его. || Краткое молитвословіе объ покоеніи душъ усопшихъ». (См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст]. — М. : Рус. яз., 1998. — Т. 2: И — О. — 1998. — 699 с., 1 портр. — С. 255).

Полякова Т.А.
Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
Доцент кафедры русской классической литературы
и теоретического литературоведения.
e-mail: tpolyakova1@yandex.ru

Polyakova T.A.
Elets State Bunin University.
Assistant professor of the department of Russian classic
literature and the theory of literary criticism.